

**ФРОНТИР В ИНТЕРПРЕТАЦИИ
А. де ТОКВИЛЕМ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО
РАЗВИТИЯ США**

© 2010 г. О.Ю. Казакова*

Орловский государственный университет, Орёл

Статья посвящена малоизученному аспекту наследия французского мыслителя. В ходе поездки в США он побывал на границе американской цивилизации в районе Великих озер. Основываясь на собственных впечатлениях, Токвиль опровергал европейские стереотипы об индейцах, пионерах, характере колонизации, а также пытался осмыслить место и роль фронта в развитии демократии, государства и нации.

Ключевые слова: *Алексис де Токвиль, США, фронтир, демократия.*

**Interpretation of Frontier by A. de Tocqueville
in the Context of Socio-Cultural Development in USA**

O.Yu. Kazakova

Orel State University, Orel

The article is devoted to a not too well known aspect of the French thinker's heritage. During his trip to the United States A. de Tocqueville visited the borders of the American civilization around the Great Lakes area. On the basis of his personal impressions from the trip de Tocqueville renounced European stereotypes of the Indians, pioneers, the nature of colonization and tried to define the role and significance of the Frontier in the development of the democracy, of the State and the Nation.

Key words: *USA, A. de Tocqueville, frontier, democracy.*

Фронтир как термин, обозначавший передовую линию продвижения цивилизации от приатлантических штатов к Тихоокеанскому побережью, утвердился в научной литературе за американским пограничьем в период до 1890 г. При сходных типологических признаках колониального опыта других стран (Канады, Австралии, Бразилии) экспансия США на запад значительно отличалась социокультурным содержанием и значением в этногенезе. Позднее, став культурным мифом, она занимала воображение путешественников и читателей экзотическим колоритом, романтикой приключений, поэтикой героического покорения природы.

---

* **КАЗАКОВА Ольга Юрьевна** – кандидат исторических наук, доцент Орловского государственного университета, докторант Института всеобщей истории РАН.
E-mail: kazakova@yandex.ru.

Статья подготовлена при финансовом содействии гранта Президента РФ на поддержку молодых российских учёных и ведущих научных школ. Ведущая научная школа академика Н.Н. Болховитинова «Северная Америка и её отношения с Россией». НИИ – 4405.2008.6.

Наиболее известной политической и социокультурной трактовкой фронта на протяжении столетия является концепция историка Фредерика Дж. Тёрнера (1861–1932). Западные земли, согласно ей, были источником социально-экономического равенства, а возникавшие там небольшие сельские поселения – квинтэссенцией политической демократии. Граница между цивилизацией и дикой природой, разрывавшая традиционные связи и предлагавшая новый опыт, рассматривалась Тёрнером и его последователями как основа американской исключительности. Если первые поселенцы действовали и мыслили как европейцы, то в результате приспособления к условиям пограничной жизни формировалось их национальное своеобразие.

Выразительность и ёмкость идеи Тёрнера обеспечили её научное и общественное признание, а критика его концепции способствовала складыванию новой истории Запада, утверждающей, что после официального закрытия границы в 1890 г. эволюция американской демократии не прекратилась [11][12][25]. Более того, продолжавшиеся на осваиваемых территориях социокультурные процессы придали новый импульс её развитию. Сторонники данного направления изучают, главным образом, интерпретацию пограничья, культурно-ментальное влияние Запада (образы, стереотипы, символы), тогда как Тёрнер акцентировал внимание на его социально-политическом значении. К тому же он описывал границу в виде подвижной линии поселений, исчезнувшей после того, как был исчерпан резерв свободных земель. А для приверженцев новой истории Запада фронт – географическое понятие, регион, что не позволяет рассматривать две концепции как полноценную альтернативу друг другу.

Летопись границы между американской цивилизацией и пока свободными от неё территориями началась с первых поселенцев. Между тем в литературе до Тёрнера трудно найти сочинение, посвящённое её роли в становлении и развитии США. Как правило, работы по политической философии, написанные в традициях европейского, прежде всего французского, Просвещения, раскрывали американскую демократию в институционально-правовом измерении. Поэтому удаляющаяся граница, не попадающая под её юрисдикцию, представлялась в них в духе Гоббса краем насилия, анархии, суда Линча.

Столь же характерным для общественно-политической мысли XIX столетия было противопоставление институтов и нравов, как разума и стихии, упорядоченной системы и хаоса. Классическим местом паломничества поклонников разумной американской демократии являлась Новая Англия, она же становилась для них эталоном при знакомстве с другими частями страны. По мере приближения к фронтиру всё более отклоняющиеся от принятого образца черты колонистов казались им испорченными, гротескными, анекдотичными. «У нас убеждены, что американцы – новый народ, – раскрывал европейские стереотипы известный специалист по США и инициатор создания Статуи Свободы Э. Лабулэ. – Если, по случайности, газеты рассказывают о нескольких дуэлях на карабинах в пустыне, за тысячу километров от Бостона и Филадельфии, наши мудрецы твердят, что там цивилизация в колыбели и что было бы наивно её изучать» [8].

Таким образом, фронт долгое время не входил в круг интересов американистов. Своё место он нашел в художественной и научно-популярной лите-

ратуре в произведениях Ф. Р. де Шатобриана («Рене», «Атала, или любовь двух дикарей в пустыне», «Натчезы») и Ф. Купера («Пионеры», «Зверобой», «Следопыт», «Последний из могикиан»), открывших новую манеру познания далёких краёв, пробудивших туристический интерес к американскому Западу. Под их влиянием литература путешествий от информативности и документальной точности XVI–XVIII веков обратилась к воображению, эмоциям, впечатлениям[17]. Естественно, в сознании авторов этноприродный экзотизм пограничья вытеснял интерпретационные схемы.

Описание американского фронта, сделанное знаменитым французским политическим философом Алексисом де Токвилем (1805–1859) заслуживает особого внимания, так как, во-первых, построено на преодолении сложившихся стереотипов и традиций, во-вторых, рассматривалось автором как часть его фундаментальной работы «Демократия в Америке»[1], до сих пор сохраняющей научную ценность.

Отвлекаясь от изучения тюрем, ради которого был командирован в США, Токвиль отправился на границу цивилизации в поисках романтических героев Ла Рош (Мария София фон ла Рош – немецкая романистка) и Шатобриана[6]. Однако он не был бы самим собой, если бы подспудно не вынашивал концептуальную схему. Намеренно сузив круг интересов до исследования американской демократии, он интерпретировал информацию под выбранным углом зрения. Опубликованная «Демократия в Америке» (1835, 1840 гг.) продемонстрировала синтетическое свойство мышления автора, закрепив за ним реноме выдающегося теоретика. Заметки о путешествии на фронт под названием «Пятнадцать дней в пустыне» (*Quinze jours dans le désert*) не увидели свет при жизни Токвиля. Первоначально автор хотел выпустить их приложением ко второму тому «Демократии», но по версии своего компаньона Гюстава де Бомона, отказался от своего намерения из дружеских побуждений, уступив ему право описать увиденное в повести «Мария, или рабство в Соединённых Штатах». В результате, несмотря на значительное количество позднейших изданий*, «Пятнадцать дней в пустыне» не воспринимаются в комплексе с «Демократией» и редко попадают в поле зрения поклонников и исследователей творчества Токвиля.

Нередко заметки получали ошибочную трактовку. В частности, Дж. Пирсон, проследивший американский маршрут Токвиля и Бомона, объединил их экскурсию на запад США с канадской частью путешествия[15]. Мотивация и характер впечатлений от двух поездок были различны: экзотизм границы американской цивилизации и интерес к судьбе соотечественников в британской колонии. На наш взгляд, правы были те издатели, которые, чтобы восстановить замысел автора, включали «Пятнадцать дней» в очередное издание «Демократии в Америке»[16][10]. Безусловно исходя из научной репутации Токвиля, велико искушение придать дополнительный смысл его туристическим впечатлениям. Но если «Демократия» писалась годами, «Пятнадцать дней» были созданы сразу после поездки и имеют жанровые признаки литературы путешествий.

---

* Впервые путевые заметки опубликованы в парижском журнале *Revue des deux mondes* 1 декабря 1860 г., затем в двухтомнике неизданных сочинений Токвиля под редакцией Бомона (1861, 1866), в Полн. собр. соч. (1957), наконец отдельными изданиями в 1982 и 1998 г.

Тем не менее, сопоставление двух текстов показывает их идейно-тематическую близость, а привлечение рабочих материалов позволяет выявить значение и устойчивость его суждений, вынесенных из знакомства с фронтиром.

Токвиль и Бомон предприняли путешествие к границе американской цивилизации в июле 1831 г. «Мы страстно желали увидеть край, лишь накануне отвоеванный человеком у пустыни»[7], – сообщал Токвиль родным. На авантюрную поездку на Запад друзья отважились спонтанно, имея о нём весьма поверхностные представления. Две недели, полные приключений, начались в Буффало, откуда по оз. Эри они добрались до бывшей французской деревушки Понтиак, затем по непроходимым чащам продвигались к крошечному поселению Сагино на границе леса и прерии, которое, по отзывам жителей, считалось крайним пунктом человеческого присутствия. Тем же путём друзья вернулись на оз. Эри, где Токвиль и оформил свои впечатления в связное повествование.

Для понимания замысла и образного ряда путевых заметок необходимо пояснить их заголовок. На волне колоссальной популярности «Аталы» Шатобриана слово «пустыня» в применении к Америке вошло в лексикон путешественников и писателей[5][14][2]. Но если большинство использовало его в подражание французскому романтику, то Токвиль воспринял первоначальный смысл термина, назвав американскую пустыню «цветущим, душистым, прелестным одиночеством». «Единственное чувство, которое испытываешь, пересекая здешние пустыни, это спокойное восхищение, – писал он, – эмоции нежные и меланхоличные, отвращение к цивилизованной жизни, своего рода инстинкт дикаря, который заставляет с болью думать о том, что скоро это прекрасное уединение прекратит своё существование»^{*}.

Содержание заметок определялось намерением французского социолога исследовать передовую линию цивилизации в её взаимодействии с неосвоенной территорией, которая также обозначалась термином «пустыня», близким по смыслу понятиям варварство и дикость[24]. По словам Бомона, «американцы рассматривают лес как разновидность дикой природы (*wilderness*) и выражение варварства. Они не воображают ничего прекраснее, чем дом на голой равнине, отсутствие деревьев в их глазах – признак цивилизации, а деревья указывают на присутствие варварства»[3].

Европейская мысль также отрицала достоинства леса как жизненного пространства для культурного производства. «Цивилизация рождалась в хижине и умирала в лесах», – утверждал Токвиль в «Демократии». В данном пункте рассуждений он показал себя скорее традиционалистом, чем новатором. Не удивительно, что французскому путешественнику первобытный лес («бесконечный, сырой, холодный, угрюмый, тёмный и молчаливый») представлялся ареной насилия и разрушения, лишённой божьего благословения. «Хотя обширный край был заселён множеством туземных племён, можно смело утверждать, что в эпоху его открытия он представлял собой истинную пусты-

---

^{*} В старофранцузском слово обозначало всю обширную необитаемую зону, невозделанную человеком, в особенности глухие леса, дающие приют, для примера, отшельникам, уходившим в леса для медитации. Во Франции кантоны, насчитывавшие менее 20 человек на кв. км, считались пустынными.

ню, – писал Токвиль. – ... Весь этот континент, казалось, был создан для того, чтобы стать колыбелью ещё не родившейся великой нации»[1].

В ожидании её прихода он с печальным фатализмом смотрел на судьбу краснокожих[20]. Индейская тема занимала большое место во французской общественной мысли, сложившись в богатую литературно-публицистическую традицию. Руссоистский образ благородного дикаря был популяризован сентиментальной и романтической беллетристикой. Регулярные отчёты католических миссионеров подогревали этнографический интерес к индейцам. Тем не менее, ни искреннее сочувствие дикарям, ни степень информированности не влияли на мировоззрение французов, веривших в социальный прогресс, понимаемый как восходящее движение от первобытности к их нынешнему культурному апогею. Несколько поколений соотечественников Токвиля с чувством превосходства смотрели на американских туземцев.

Первое знакомство Токвиля с краснокожими произошло в Буффало, куда ирокезы прибыли за ежегодной государственной выплатой за землю. «Никогда в жизни я не испытывал большего разочарования, – записал французский путешественник. – Я был полон образов Шатобриана и Купера, хотел увидеть высокомерные фигуры детей духа свободы, чьи нагие тела натренированы охотой и войной». Но перед туристом предстали худые, низкорослые, длинноволосые и большеротые «дикари», с «гнусными и злыми лицами», «похожие на представителей социальных низов европейских городов». В дальнейшем тесное общение с индейцами-проводниками в лесных дебрях смягчило его оценки, но не изменило настороженного, отстранённого отношения к ним. Вместе с тем, Токвиля возмущало лицемерие американского общества, так много заботящегося о морали и филантропии, но совершенно равнодушного к судьбе аборигенов[24].

Не ограничиваясь собственными наблюдениями, автор «Демократии» пользовался такими источниками, как отчёт Кларка и Касса 1829 г. и документы Конгресса. Разделяя общепринятую идею противопоставления цивилизации как блага и варварства как зла, нуждающегося в исправлении либо уничтожении, Токвиль признавал, что индейская проблема кажется ему неразрешимой[1]. Он скептически смотрел на возможность посадить дикарей на землю в качестве колонистов, что пропагандировалось многими современниками. На границе леса и прерии, у поселения Сагино Токвиль с отградой увидел индейцев, выращивающих кукурузу. Однако по зрелому размышлению он решил, что их менталитет («гордость и лень» в терминологии автора), а также конкуренция с опытными европейскими крестьянами приведут к краху этой затеи.

Наступление американской цивилизации на дикость традиционно связывалось с началом обработки земли, с продвижением границы сельских поселений и фермерских хозяйств. В коллективном сознании оно оформилось в образ-символ «мирового сада» (*Jardin du monde*), питаемый духом Просвещения и романтизма[19]. Джексоновская Америка 1830-х годов стала порой расцвета аграрного мифа – сельской идиллии, простой и сытой жизни мелких земельных собственников. В «Демократии» Токвиль так убедительно воспроизвёл этот миф, что читатели и несколько десятилетий спустя черпали вдохновение в уже архаичном образе[13][18].

Посещение фронта дало Токвилю возможность проверить популярный тезис о цивилизаторской миссии колонистов. Вопреки ожиданиям, он не заметил в них ни религиозного мессионизма, вдохновлявшего первых переселенцев-протестантов, ни окрыленности идеей «явного предназначения», сформулированной вскоре Дж. О'Салливаном в качестве доктрины. Действительно, между политической революцией 1776 г. и индустриальным переворотом середины XIX века из экспансионизма вымывались религиозные мотивы и замещались аргументами этнического превосходства (англосаксонский дух, национальный характер, креативность, витальность американцев). В этот переходный период Токвиль и попал на пограничье. Торопливая, жадная, своекорыстная деятельность здешних обитателей неприятно поразила французского аристократа. «Богатство – единственная цель его (пионера. – *О.К.*) движения, к ней он стремится с упорством и самоотверженностью, которые можно было бы назвать героическими, если бы этот эпитет имел иной смысл, кроме добродетельных усилий»[24], – записал он в своих наблюдениях.

Путешественнику бросался в глаза дефицит коллективного опыта и стремления к совместной жизни – на фронтире торжествовал индивидуализм. Как известно, Токвиль – признанный классик либерализма, провозглашающего безусловную ценность человеческой личности. Американский фронт был и остаётся до сих пор олицетворением персональной свободы, понимаемой как независимость от закона, авторитетов, государства. «Первобытная свобода, наконец я тебя нашёл!»[27] – восклицал компаньон Токвиля Бомон. Самого же Токвиля больше заботили гарантии свободы, поддержания её баланса с демократией, поэтому американский вариант абсолютизации индивидуальной свободы произвёл на него отрицательное впечатление.

В отличие от современных ему авторов, подчёркивавших борьбу отдельного человека за приоритет частных интересов над общими, Токвиль представлял индивидуализм как добровольное желание гражданина изолироваться от массы себе подобных для создания собственного ограниченного общества (семьи, круга друзей). Иначе говоря, содержание самого понятия исчерпывалось у него безразличием к социуму. Только практика политической свободы способна, по Токвилю, побудить индивида заниматься общими делами, спасая, таким образом, истинное величие человеческой индивидуальности.

Однако при неблагоприятных обстоятельствах, а именно при прогрессирующем уравнивании условий в демократическом обществе, индивидуализм (социальный факт) деградирует до эгоизма – инстинктивного состояния (моральный факт), открывающего дорогу анархии и деспотизму[9][14]. «Индивидуализм имеет собственно демократическое происхождение, – утверждал он, – и угрожает тем, что будет усиливаться по мере выравнивания условий существования людей»[1]. Именно такую картину французский путешественник увидел на американской границе. Индивидуализм можно назвать самой яркой чертой, отмеченной им у поселенцев.

Токвиль и Бомон искали на фронтире осёдлых колонистов – персонажей мифа о «мировом саде», на деле же им встречались скваттеры – земельные спекулянты, захватывавшие в начальный период колонизации необработанные участки с целью их дальнейшей перепродажи. Как романтически настроенного

путешественника и социального философа, характер освоения края, противоречащий сельской пасторали, разочаровал Токвиля. «Страсть, которая гонит их (пионеров. – *О.К.*) вперёд, сильнее любви к жизни. Перед ними простирается почти безграничный континент, а они спешат так, словно боятся прийти слишком поздно и не найти себе места... Переселение стало для них потребностью, они видят в нём что-то вроде азартной игры, в которой одинаково любят и крах и выигрыш»[1]. Авантюризм, тяга к перемене мест являются, наряду с индивидуализмом, главными чертами, присущими, по мнению французского наблюдателя, обитателям пограничья.

В характеристике пионеров Токвиль проявил себя новатором, легко разбивающим общественные стереотипы. Хотя мотивы их деловой активности казались ему недостойными, он признавал отвагу и стойкость «племени мужественных первопроходцев» в борьбе с бесчисленными трудностями. Ранее соотечественник Токвиля Мишель де Кревкёр, (с 1759 г. живший в Америке) в «Письмах американского фермера» (1782 г.) показал героическую жизнь поселенца среди неизвестного и часто враждебного континента. Однако французская публика игнорировала его антиутопию, но превозносила Шатобриана, пошедшего на поводу у общественных ожиданий при создании персонажей мифа о потерянном рае[27]. Фенимор Купер и его эпигоны, продолжившие романтическую традицию, дополнили туземную идиллию образами трапперов – авантюрных персонажей пограничья.

Популярность этих культурных героев надолго задержала формирование представлений о реальных субъектах социально-экономических отношений на фронтире – пионерах-фермерах. Экзотика обстановки американского Запада экстраполировалась на его обитателей, и в литературе сложился образ «кентуккийца», «западного человека», в противовес янки Новой Англии и виргинцу-плантатору. Французские наблюдатели не могли пройти мимо столь колоритной фигуры, замечали либо приписывали ей такие черты, как необузданность страстей и самоуправство, оптимизм и самоуверенность, грубость нравов и простота потребностей. При существующем тогда вольном обращении с этнической терминологией очевидцы и фантазёры утверждали национальное, расовое своеобразие человека Запада, вытекающее как из особенностей среды обитания, так и из состава миграции. Личный опыт знакомства с фронтиром позволил Токвилю опровергнуть оба эти заблуждения тем решительнее, что он сам разделял их накануне поездки.

Отправляясь в американскую глушь, французский путешественник ожидал увидеть постепенную деградацию социальной жизни и нарастание признаков первобытного, примитивного существования, возрождение архаичных укладов. Европейский опыт подсказывал ему, что уровни развития столицы и периферии, соседних регионов могут различаться так, словно между ними пролегло несколько веков. К примеру, в родной Франции контраст между Парижем, признанной культурной столицей, и невежественной сельской глубиной был огромен. Отправляясь за океан, Токвиль предполагал увидеть похожую картину, следуя гипотезе, что упрощение хозяйственного уклада и уменьшение плотности населения должно «давать образ общества всех возрастов». «По моему представлению, – писал он, – Америка была единствен-

ным местом, где можно шаг за шагом проследить все изменения социального состояния человека и где можно наблюдать, как цивилизационная цепочка звено за звеном спускается от роскоши городов к дикости безлюдных пустынь. Именно здесь я рассчитывал прочитать летопись развития человечества». Поездка к границе убедила его в однородности американского общества по уровню культурных потребностей и способов их удовлетворения. «Людей, которых вы узнали в Нью-Йорке, вы встретите и в пустыне Запада, – подчёркивал Токвиль, – те же одежда, дух, язык, привычки, развлечения, но ничего неотёсанного, ничего наивного, что указывало бы на проживание в безлюдных краях, ничего похожего на наши деревни» [24]. Увиденное дало толчок для размышлений, которые привели его к мысли о равенстве как причине и условии замеченного единообразия и усреднённости. Именно в данном вопросе «Пятнадцать дней» органически связаны со второй частью «Демократии», приложением к которой они должны были стать.

В отличие от Тёрнера, считавшего, что «демократия вышла из американского леса», Токвиль, напротив, настаивал на привнесённости её в леса вместе с колонистами, имеющими опыт существования в демократическом обществе. В данном пункте ему также пришлось опровергать сложившийся стереотип, что фронт продвигался усилиями европейских переселенцев, трудовых мигрантов, приехавших с мечтой о собственности и хозяйстве. «Это глубокое заблуждение, – заявлял Токвиль, – европейцы, прибывающие в Соединённые Штаты, обычно не имеют ни друзей, ни денег. Для того чтобы жить, они вынуждены продавать свой труд, и поэтому чаще всего остаются в большой промышленной зоне, расположенной вдоль океанского побережья. Невозможно обрабатывать пустынные земли, не имея ни денег, ни кредита; прежде чем отправиться в леса, нужно привыкнуть к новому суровому климату. Поэтому хозяевами больших земельных угодий в отдалённых местностях становятся американцы». Вместе с тем в работах французского мыслителя встречается и противоположное утверждение. «Они (приморские штаты. – *О.К.*) не могут принимать столько эмигрантов, сколько их принимают западные штаты, всё ещё представляющие собой безграничное поле деятельности. Бассейн Миссисипи значительно более плодороден, чем побережье Атлантического океана... По этой причине и по многим другим основная часть европейцев едет на Запад. Это можно строго доказать, приведя цифры» [1]. В данном случае проявилась концептуальность «Демократии в Америке», из-за которой Токвиль описывал изучаемое явление в его логической законченности, мало сообразуясь с фактической стороной дела. В путевых заметках, напротив, его умозаключения опираются на непосредственное наблюдение. «В Европе верят, что Запад заселяют европейские эмигранты. Но в поселенце сразу узнаешь жителя Новой Англии, – читаем в «Пятнадцати днях». – Он вырос в думающем и одухотворённом обществе и по своей воле ушёл в пустыню» [24].

---

* В «Демократии в Америке» Токвиль перефразировал ту же мысль: «Нет ничего более убогого, чем эти одинокие жилища (пионеров. – *О. К.*)... Как не подумать, что в этой жалкой хижине ютятся грубость и невежество? Однако не следует судить о пионерах по их жилищам... Это культурные люди, которые вынуждены в течение какого-то времени жить в лесах, и они углубляются в лесные дебри Нового Света, неся с собой Библию, топор и газеты»

В сложившейся литературно-публицистической традиции образ человека в пустыне трактовался как сознательное бегство разочарованной личности от общества в поисках экзистенциальной гармонии, покоя, уединения. Токвилю довелось встретить таких колоритных персонажей фронта, к которым он относился с любопытством и симпатией, но всякий раз подчёркивал их европейское происхождение. Урождённые американцы составляли им разительный контраст, так как рассматривали своё пребывание на границе как временное условие для перехода на новый социальный и имущественный уровень в их прежней среде. Поэтому, никак не ценя уединение, колонисты-американцы в то же время не стремились строить общественные отношения на фронтире. «Когда-то они разорвали связи, прикреплявшие их к родной земле, и с тех пор у них не возникло новых связей»[1], – отметил Токвиль в «Демократии». В лесных чащах он не раз встречал заброшенные хижины пионеров, которые в одиночку проиграли схватку с природой, но нигде не находил плавильного котла – слияния населения в однородное, устойчивое сообщество. На границе цивилизации, в Сагино автор застал три десятка мигрантов и метисов, трудные условия жизни которых и изоляция от мира должны были их сплотить, однако они оставались разобщены «национальными предрассудками, рождением и воспитанием».

Таким образом, в противоположность Тёрнеру, считавшему, что на фронтире происходит строительство нового общества, Токвиль отрицал социальную кооперацию поселенцев. «В новых штатах Запада есть просто жители, но общество как таковое здесь пока ещё не сложилось», – утверждал он. Французский наблюдатель подчёркивал маргинальный характер колонистов, бескомпромиссность, волюнтаризм, установку на личный успех: «На освоение Запада от берегов Атлантики идут люди, не терпящие никакого гнёта, жадно стремящиеся к обогащению и нередко изгнанные из своих родных штатов»[1].

Наслаждаясь экзотикой путешествия на границу, Токвиль постоянно размышлял над влиянием западных штатов и территорий на текущую американскую политику и судьбу государства. Приход в Белый дом Эндрю Джексона (1829 г.), первого в национальной истории президента, не принадлежащего ни к одной из старых политических элит (Новой Англии и рабовладельческого Юга), означал признание веса и исторического значения развивающегося Запада – своего рода революцию в политических нравах США. В рассуждениях на данную тему Токвиль опирался на базовые для его социальной философии понятия стабильности и традиции. Стабильность он выводил из аграрного мифа, подразумевающего устойчивость межперсонального взаимодействия и регулярность сельскохозяйственного производства. Традиция в дискурсе об Америке рассматривалась, как правило, в отрицательном смысле, т.е. как отсутствие тяжёлого европейского наследия (предрассудков, условностей, иерархий), расчищающее поле для политического эксперимента. Соглашаясь с этим тезисом, Токвиль отмечал и положительно оценивал складывание в США собственных традиций, обеспечивающих преимущество «мудрой» и «умеренной» американской демократии.

На фронтире французский наблюдатель не заметил ни стабильности социальных сообществ и межличностных отношений, ни воспроизводства благо-

приобретённых либерально-демократических ценностей и норм, поэтому с тревогой смотрел на реальное и потенциальное влияние Запада на политический процесс. «Они (поселенцы. – *О.К.*) не склонны повиноваться законам, да и нравы не оказывают на них большого влияния, – читаем в «Демократии». – Следовательно, те, кто сейчас заселяет долину Миссисипи, стоят во многих отношениях ниже, чем те, кто живёт на первоначальной территории Союза. Однако их голос уже громко раздаётся в органах правления Союза, и таким образом они участвуют в управлении общими делами, не умея управлять собой»[1]. «Пятнадцать дней в пустыне», задуманные – подчеркнём ещё раз – как приложение ко второму тому, должны были на конкретных примерах проиллюстрировать данный тезис. Противоречие между приведённой цитатой из «Демократии» и утверждением об идентичности пионеров жителям Новой Англии в путевых заметках является кажущимся, так как в первом случае говорится об их отношениях с американской демократией, степени гражданской ответственности, во втором – об общекультурном уровне (знаниях и навыках, круге интересов, формах досуга).

Токвиль разделял широко распространённое в американских политических кругах беспокойство по поводу угрозы демократическим институтам с Запада. В рабочих материалах, написанных под впечатлением от путешествия на фронт, а также от встреч с государственными и общественными деятелями США, он отметил: «Будущее Союза в опасности, так как новые штаты образуются слишком быстро и не имеют мудрости и умеренности старых. Они состоят из авантюристов, ничто в нравах, идеях, законах которых не похоже на порядок и стабильность. Они имеют полудикий и непросвещённый дух, характерный для первых обитателей пустынь»[22]. В данном случае показательным для Токвиля выделение роли просвещения как залога разумной демократии. Наблюдая за пограничьем, он вновь возвращался к излюбленной мысли о вековом воспитании народа, играющем главную роль в обеспечении либеральных ценностей, о приоритетном (наряду с учреждениями, институтами) значении привычек и нравов для поддержания оптимальной формы управления. «Именно в западных территориях развитие демократии достигло своего наивысшего уровня, – утверждал он. – Население этой части континента, таким образом, избежало влияния... так называемой аристократии от природы, то есть людей, своим происхождением связанных с просвещением и добропорядочностью»[1].

Утверждение Токвиля о наивысшей степени развития демократии на границе не имеет ничего общего с тёрнеровским тезисом о том, что «демократия вышла из американского леса». Французский философ считал местом её рождения старые штаты, а в обобщённом виде – европейскую цивилизацию, где она тесно переплелась с другими политическими, общественными, мировоззренческими традициями. Роль движущейся границы заключается в постепенной очистке демократического принципа от исторических наслоений[23]. Эту функцию, по мысли автора, следует поставить не в заслугу, а в вину американскому фронтиру перед лицом мирового политического прогресса. Лишение демократии цивилизованной оболочки освобождает её разрушительный потенциал, угрожающий институционально-правовому зданию образцовой американской государственности. В путевых заметках Токвиль высказал предполо-

жение, что «пионеры, дойдя до Тихого океана, вернутся по своим следам в глубь континента, чтобы дестабилизировать и разрушить те сообщества, которые образовались после них»[24].

Идея деструктивности действий поселенцев не покидала Токвиля на протяжении всего путешествия. При том, что в леса, в которых он блуждал две недели и которые казались ему мертвенной пустыней, именно первопроходцы несли созидательную энергию, олицетворяли собой цивилизацию. В данном случае проявляется знаменитая поливалентность словаря французского философа, вытекающая из стремления проанализировать факт с разных точек зрения. По логике автора, распахивая прерии, вырубая леса, вытесняя индейцев, американцы прогрессивны, ибо преодолевают дикость, варварство, но в отношении современных форм общежития они играют отрицательную роль, так как в изоляции от очагов культуры и просвещения утрачивают гражданские навыки.

Таким образом, Токвиль негативно воспринимал обитателей пограничья как политический и социальный элемент, но отдавал должное их жизнеспособности, хватке, напористости, «невероятной продуктивности». «Поселенец – представитель расы, за которой будущее Нового Света, – заключал он, – расы беспокойной, думающей, авантюристичной, хладнокровно делающей то, что можно совершить только под воздействием самой горячей страсти; нации завоевателей, ведущей полудикую жизнь, не понимая её прелести, не любящей цивилизацию и просвещение, коль скоро они бесполезны для её благополучия»[24]. Это предположение не получило у Токвиля развёрнутого обоснования, присущего его стилю мышления. Оно носит абстрактный, легковесный характер распространённых и тогда, и позднее социал-дарвинистских заявлений о закате развитой, изнеженной европейской цивилизации перед лицом грядущего Хама, нового Атиллы и т. п.

Логика рассуждений о взаимодействии американской демократии и фронта привела Токвиля к интересному умозаключению: «Демократия здесь определяет свой выбор случайно или же по капризу – первый встречный может получить голоса и, тем не менее, общество процветает. *Но процветает ли оно благодаря демократии или вопреки ей – вот вопрос* (курсив мой. – О.К.)»[23]. Так как автор не выделил данный сюжет в отдельную тему научной рефлексии, о его позиции мы можем судить по совокупности разрозненных высказываний.

Считается, что внутренней колонизацией США двигал страх уподобиться европейским странам, раскалённым социально-экономическими противоречиями до состояния революций[26], и это позволяет трактовать заселение границы как трудовую, экономическую миграцию. «Убегая от бедности, которая угрожает им в родительском доме, – писал Токвиль о переселенцах, – они бесстрашно отправляются в ненаселённые части Америки для того, чтобы найти там себе новую родину»[1]. В таком случае закономерна ориентация колонистов на обогащение, так удручавшая французского наблюдателя.

Однако сфера приложения усилий фермеров-пионеров не оправдала их надежд. Американцы первой половины XIX века привыкли измерять плодородность почвы величиной деревьев. Так как прерия лишена деревьев, её дол-

гое время боялись культивировать. Тем решительнее колонисты вырубали леса и расчищали участки под пашню. Ожидания сказочных урожаев обернулись малопродуктивным натуральным хозяйством, отдалённо напоминавшим туристам образ «мирового сада». Перед поездкой на границу в письме к отцу Токвиль назвал американцев одним из самых счастливых народов, обязанным своим благосостоянием условиям окружающей среды. «Возможно, это звучит абстрактно, – продолжал он, – но если посмотреть, что природа предлагает для производства, понятно, что класс теоретических спекулянтов абсолютно здесь неизвестен. Здесь все работают, и кладёшь ещё полон для того, чтобы все, кто хочет работать, зажили бы счастливо»[21]. По свидетельству Бомона, при знакомстве с пограничьем его товарищ желал проверить собственную идею о свободных землях как главном источнике благосостояния Америки[4].

Токвиль был относительно слаб в экономической теории, но являлся противником буржуазных отношений. В Европе и США в XIX веке происходил промышленный переворот, так что стало очевидно, что индустрия, а не сельское хозяйство является средством приращения национального богатства. Культурную элиту беспокоили присущие капитализму неравенство, пролетаризация, эксплуатация. На этом фоне фермерские хозяйства фронта, хоть и бедные, но самостоятельные, выглядели предпочтительнее. Токвиль не понимал бесперспективности такого типа аграрного производства (малоземельного, нерентабельного, вне рыночного), ему импонировал сам принцип обеспечения индивидуального, подчеркнём, умеренного благосостояния, нажитого личным трудом.

С социальной точки зрения тот этап миграции, свидетелем которого был Токвиль, в значительной степени способствовал оттоку из общества маргинальных элементов, сознательно или невольно сопротивлявшихся регламентированному существованию старых штатов. В «Демократии» показано, как эгалитарные тенденции в своём максимальном развитии приводят к тирании большинства, конформизму, нивелированию. Свободные земли становились клапаном, выпускавшим пар несогласных, нестабильных общественных элементов, которые, по сути, постоянно перемещались, и продвигая, и опережая фронт. «В Европе мы привыкли смотреть на беспокойный ум, неумеренное стремление к богатству и крайнюю тягу к независимости как на большую опасность для общества, – указывал Токвиль. – Именно всё это гарантирует американским республикам большое и мирное будущее... Новый Свет – это счастливый край, пороки людей там почти также полезны обществу, как добродетели!»[1] Авантюристы пограничья не только не желали, но и не были способны поддерживать коллективные формы деятельности, что обуславливало бесконфликтность их обособленного проживания, а значит социальное благополучие фронта.

Таким образом, по логике Токвиля, не демократия, а свободная земля была главным условием процветания фронта, понимаемого как благосостояние индивида и первичных человеческих сообществ (семьи поселенца, его соседей). Демократическая стихия, выражавшаяся в произволе, волюнтаризме, индивидуализме, царила на пограничье также благодаря продолжающемуся социально-экономическому уравниванию на вновь занимаемых территориях. «От отцов

они (американцы. – *О.К.*) унаследовали любовь к равенству и свободе, – писал Токвиль в «Демократии», – но только Бог, даровавший им необъятный континент, дал возможность долго жить равными и свободными»[1].

Взгляд Токвиля на границу лишь отчасти согласуется с содержанием «Демократии в Америке», в которой доктринёр, теоретик и логик победил эмпирического наблюдателя. Выводы Токвиля о значении границы в развитии американской цивилизации представляются не менее ценными, чем всем известные тезисы Тёрнера. Однако они, в отличие от последних, не дали начало устойчивой интеллектуальной традиции, научной школе. Во-первых, основной исторический источник по теме, «Пятнадцать дней в пустыне», был неизвестен современникам. Лишь спустя столетие его перевели на английский, и поэтому он остаётся в тени знаменитых «Демократии в Америке» и «Старого порядка и революции». Во-вторых, периоды так называемого «токвилевского ренессанса», т.е. возрождения интереса к его творчеству, определялись политической конъюнктурой – борьбой оппозиции с авторитарной Второй империей во Франции (1852–1870), противостоянием интеллектуальной элиты тоталитаризму в XX веке. Поэтому в центре общественного внимания оказывалась трактовка Токвилем базовых проблем либерализма и демократии, а тема американского фронта казалась малоактуальной, чересчур экзотичной. Усиление научного интереса к токвилевскому наследию, наметившееся в начале XXI века, позволяет более пристально взглянуть на интерпретацию им – очевидцем и философом – социокультурных процессов на пограничье, признанных сейчас ключевыми для национального сознания, демократии, истории США.

Список литературы:

1. Токвиль А. Демократия в Америке, М., 1992.
2. Aimard G. The Pirates of the Prairies: Or Adventures in the American Desert. N.Y., 1887.
3. Beaumont G. Marie ou l'esclavage aux États-Unis. Tableau de mœurs américaines. 2 vol. Paris, 1844.
4. Beaumont G. Notice / Œuvres et correspondance inedites d'Alexis de Tocqueville. 2 vol. Paris, 1861. Т. 1.
5. Domenech E. Voyage pittoresque dans les grands déserts du Nouveau monde. Paris, 1862.
6. Grudzinska G. The Scar of Revolution. Custine, Tocqueville, and the Romantic Imagination. Los Angeles, 1991.
7. http://www.tocqueville.culture.fr/fr/voyages/v_ameri-008.html
8. Laboulaye E. L'état et ses limites. Paris, 1863.
9. Lamberti J. La notion d'individualisme chez Tocqueville. Paris, 1970.
10. Liebersohn H. Aristocratic Encounters: European Travelers and North American Indians. N. Y., 2001.
11. Limerick P. The Legacy of Conquest: The Unbroken Past of the American West. N.Y., 1987.
12. Limerick P. Something in the Soil: Legacies and Reckonings in the New West. N.Y., 2000.
13. Mélonio F. Tocqueville et les Français. Paris, 1993.
14. Nicaise A. Une année au désert: scènes et récits du Far-West américain. Paris, 1864.
15. Pierson G. Tocqueville in America. Part VI. Great Lakes and Canada. N.Y., 1996.
16. Quinze jours dans le désert, en appendice de la démocratie en Amérique. 2 vol. Paris, 1990. (Vol)Т. II.

17. *Rajotte P., Carle A.-M., Couture F.* Le récit de voyage au XIX siècle. Aux frontières du littéraire. Montréal, 1997.
18. *Remond R.* Les États-Unis devant l'opinion française 1815–1852, 2 vol. Paris, 1962.
19. *Smith H.* Terres vierges. De l'Ouest américain considéré comme symbole et comme mythe. Paris, 1967.
20. *Teale T.* Tocqueville and American Indian Legal Studies: The Paradox of Liberty and Destruction. – «The Tocqueville Review». 1996. V. XVII. No. 2. P. 62–63.
21. *Tocqueville A.* Nouvelle correspondance inédite (s d'Alexis de Tocqueville). Paris, 1866.
22. *Tocqueville A.* Œuvres complètes. 12 vol. Paris, 1957. T. V.
23. *Tocqueville A.* Œuvres complètes, T. V.
24. *Tocqueville A.* Quinze jours dans le désert / Œuvres et correspondance inédites d'Alexis de Tocqueville. Publiées et précédées d'une notice par Gustave de Beaumont. 2 vol. Paris, 1861. T. 1.
25. *Villerbu T.* La Conquête de l'Ouest. Le récit français de la nation américaine au XIX siècle. Rennes, 2007.
26. *Vincent B.* La destinée manifeste. Aspects idéologiques et politiques de l'expansionnisme américain au dix-neuvième siècle. Paris, 1999.
27. *Zimra C.* La vision du nouveau monde de Chateaubriand à Beaumont: pour une étude de forme de l'exotisme. – «The French Review», 1976. V. 49. No. 6. P. 1004.